

ПРОВАНСАЛЬСКИЕ ПЕРЕСКАЗЫ

Предисловие В. А. Дыниник

В 1931 г. Бунин опубликовал в газете «Последние новости» (Париж) шесть рассказов под общим заглавием «Провансальские пересказы». О том, при каких обстоятельствах Бунин над ними работал, вспоминала В. Н. Бунина в одном из писем к Н. П. Смирнову: «„Провансальские пересказы“, по правде сказать, он писал из-за денег для газеты, когда мы были очень бедны перед Нобелевской премией. Я их, так давно не перечитывала, что ценности их не представляю, может быть вы правы»¹. По-видимому, сам Бунин невысоко ценил свои «пересказы»: он не включил их ни в один из своих сборников, не вошли они и в Собрание сочинений 1934—1936 гг.

Между тем «Провансальские пересказы» не заслуживают забвения. То, что они писались «из-за денег» — еще не повод для сомнения в их художественной ценности. В жизни больших писателей (вспомним Балзака или Достоевского) нередки случаи, когда они брались за работу, жестоко подстегиваемые мыслью о зарплатке, об уплате долгов или о необходимости погасить полученный аванс, а между тем создавали лучшие свои страницы. Не решает вопрос о художественной ценности «Провансальских пересказов» и то обстоятельство, что Бунин впоследствии никогда к ним не возвращался. Известно, что он был беспредельно требователен к себе, порою донельзя придирчив, а иногда и совершенно несправедлив. Так, одно время он критически относился к «Господину из Сан-Франциско», а написав «Сны Чанга», назвал этот рассказ «пустячком»².

Конечно, «Провансальские пересказы» нельзя поставить в один ряд с этими знаменитыми произведениями, однако они должны занять свое место в творческом наследии Бунина, ибо им в полной мере свойственны черты, отличающие бунинскую прозу: безупречная чистота русской речи, доведенная до изящества простота изображения, широкий разлив повествования, нигде, однако, не звучащего многословно, мастерская передача народного стиля, и притом полное воздержание от щегольства подчеркнутой «мужиковатостью», — все это позволило бы знатоку Бунина угадать, кем написаны эти страницы, даже если бы имя автора не было известно.

Основа «Провансальских пересказов», несомненно, фольклорная. «Юный пилигрим» — типичный образец народных легенд о святых, вторая его половина очень близка к легенде о святом Алексее, известной по всей Европе и широко распространенной на территории нынешней Франции еще в средние века: подобно Алексею, герой рассказа возвращается в родительский дом, живет там неузнанный, подвергаясь всяческим унижениям, и лишь перед смертью открывается родителям. В рассказе «Волхвы» отражена одна из рождественских легенд евангельского происхождения, обросшая в устной передаче множеством живописных бытовых подробностей. В «Звездах» приводятся народные названия небесных светил (Ориона, Сириуса, Большой Медведицы, Венеры, Юпитера и др.) и связанные с ними поверья. В «Святочном вечере» говорится о таинственной Белой Курице, способной по суеверным представлениям, бытующим в народе, заманить человека чуть ли не на край света. Рассказ «Мэтр всех мэтров» по сюжетному построению и по всему повествовательному тону чрезвычайно близок к народной сказке-анекдоту, хотя здесь в качестве главного действующего лица выведен Иисус Христос. А «Тараскон» — уже чистой воды анекдот, из числа тех распространенных рассказов о тарасконцах, которыми вдохновлялся и А. Доде. Сюжет «Тараскона» напоминает также близкие к народному творчеству жонглерские фэблио — средневековые стихотворные новеллы Северной Франции, в которых грешники тоже чувствовали себя весьма непринужденно в загробном мире, вступали в пререкания со святыми и с самим господом богом. Да и в Провансе аналогичные мотивы встречались у трубадура XII в., известного под именем Монтаудонского монаха, — в одной из песен он в чисто народном духе изображает свое посещение рая и беседу с богом, который любопытствует, какие новости принес из Монтаудона его посетитель, и подает ему ряд житейских советов.

Интерес к народному слову издавно был присущ Бунину. Поэтому «Провансальские пересказы» не могут рассматриваться как нечто инородное, случайное в художественном мире писателя, с какими бы поисками литературного заработка ни было связано их возникновение. Внимание к провансальскому материалу, положенному в их основу, поддерживалось и обстоятельствами жизни Бунина: в 1920-х—1930-х гг. он подолгу жил в Грассе, расположенном на юге Франции, в Приморских Альпах.

В то время Грасс был небольшим городком, насчитывавшим около 20 000 жителей. Его история, уходящая далеко в глубь средневековья, тесно связана с историей Прованса. В средние века Грасс не раз подвергался осаде, испытал нашествие сарацин, которые увели в рабство значительную часть его населения. В XIII в. он был захвачен Раймондом, графом Прованским, который сделал его своей столицей. В XV в., во время нашествия на Прованс императора Карла V, город, по приказу короля Франциска I, был опустошен и разрушен занимавшими его французскими войсками с целью лишить врага возможности закрепиться в стране. Вскоре Грасс был заново отстроен, однако этим не завершились его испытания. Тем не менее в городе сохранилось несколько интересных памятников старины.

Грасс расположен в 40 километрах от Ниццы, на южном склоне горы Рокавиньон, откуда открывается великолепная панорама—равнина, поросшая апельсинными, лимонными и оливковыми деревьями, а дальше — цветущий морской берег и Средиземное море. Однако он не превратился в «туристический центр», подобно Ницце и многочисленным городкам Лазурного Берега, где из-за обилия разноплеменной приезжей публики трудно бывает разглядеть жизнь коренного населения края, — вероятно, имела значение некоторая отдаленность Грасса от моря с его пляжами. Когда Бунин летом 1923 г. «переселился», как он сам говорил, в Приморские Альпы³, Грасс и его окрестности жили своей жизнью, мало нарушаемой курортной суетой. По характеру своего производства город был довольно тесно связан с сельским Провансом, — окрестное население занималось плодоводством и цветоводством, поставляя свою продукцию в город, на предприятия, где вырабатывались духи.

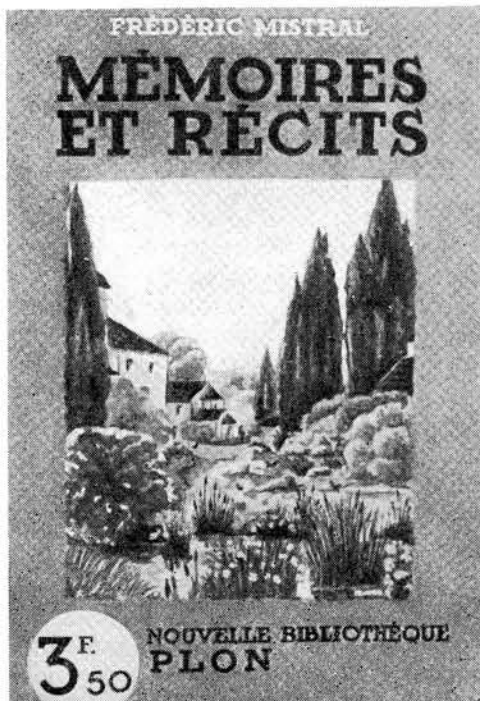
Таким образом, живя здесь, а не в каком-либо типичном курортном городе, Бунин имел больше возможностей почувствовать подлинный Прованс, угадать черты народной психологии, прислушаться к провансальской речи. Правда, все эти возможности сильно ограничивались тем, что Бунин вел довольно замкнутый образ жизни, общаясь с небольшим кругом своих русских друзей и отдавая почти все свое время литературной работе. Но тут уместно вспомнить одно его признание, которое передает, вероятно, своими словами (стиль тут совсем не бунинский) Г. Н. Кузнецова: «Я ведь чуть где побывал, нюхнул — сейчас дух страны, народа почуял. Вот я взглянул на Бессарабию — вот и „Песня о гоце“⁴. Вот и там все правильно, и слова, и тон, и лад»⁴. А ведь Бунин не только «взглянул» на Прованс, он подолгу жил там еще до создания «Провансальских пересказов».

И все же встает вопрос: если этот цикл имеет фольклорную основу, то какими материалами мог пользоваться Бунин? Провансальского языка он не знал, и хотя язык этот близок к французскому, но не настолько, чтобы Бунин мог его понимать. Даже Анатоли Франс, при всем своем интересе к народным рассказам и песням, признавался, что не умеет и никогда не научится говорить по-провансальски⁵, — это он-то, до тонкости знавший и старофранцузский, и латынь! Даже Франс, восхищавшийся провансальским фольклором, должен был знакомиться с ним по переводам.

Итак, непосредственно приобщиться к народному повествовательному искусству Прованса Бунин не мог — ему необходим был посредник. Эту роль сыграло творчество знаменитого провансальского поэта Фредерика Мистралья (1830—1914).

Мистраль, автор ряда поэм, из которых «Мирейо» пользуется всевропейской известностью, был главой «фелибров» — группы литераторов, поставивших себе целью возродить забытую литературную славу Прованса, которая в средние века достигла, благодаря песням трубадуров, необыкновенного блеска, а затем стала меркнуть. К XIX в. литературное творчество Прованса иссякло, и литературный провансальский язык надо было создавать заново. При таких обстоятельствах естественно было обратиться к фольклору и к народным говорам. С 1865 г. Мистраль вместе со

КНИГА
 ФРЕДЕРИКА МИСТРАЛЯ
 «MES ORIGINES.
 MÉMOIRES ET RÉCITS»
 Париж, 1937
 Обложка
 Первое издание книги (1929 г.)
 послужило источником
 «Провансальских пересказов»

своим старшим другом Жозефом Руманилем и остальными участниками группы «фелибров» стал издавать в Авиньоне ежегодный «Провансальский альманах» («L'Almanach Provençal») — народный календарь, где печатались самые разнообразные фольклорные материалы: рассказы, анекдоты, побасенки, легенды, предания. Обычно они давались в литературной обработке, иногда, по-видимому, довольно свободной, и печатались параллельно на провансальском и французском языках⁶. Мистраль был неутомимым поставщиком такого рода прозы. Проведя детство на отцовской ферме и живя почти все время безвыездно в деревне, он мог с полным правом считать себя народным рассказчиком. Многие из «альманашных» рассказов вошли в его собственные книги, которые несколько раз переиздавались как при жизни Мистраля, так и посмертно. Так, в конце 1920-х годов в Париже вышли на французском языке три сборника прозы Мистраля, составленных из рассказов, в свое время вошедших в «Провансальские альманахи» (Frédéric Mistral. Prose d'Almanach, 1926; e g o ж e. Nouvelle prose d'Almanach, 1927; e g o ж e. Dernière prose d'Almanach, 1931).

Возможно, что Бунин заинтересовался творчеством Мистраля, прочитав в газете «Руль» русский перевод трех его рассказов, которыми сопровождалось сообщение о выходе первого из этих сборников⁷. Когда же в 1929 г. в Париже вышли воспоминания Мистраля («Mes origines. Mémoires et récits» — «Истоки моей жизни. Воспоминания и рассказы»), они не могли не привлечь внимание Бунина. Автора «Жизни Арсеньева» должна была заинтересовать история становления писателя; человека, жизнь которого в течение многих лет протекала на юге Франции, не могла оставить равнодушным книга о Провансе. Так или иначе, именно она послужила источником «Провансальских пересказов».

Бунин начал свой цикл переводом двух отрывков из воспоминаний Мистраля. Это «Звезды» — эпизод из одиннадцатой главы («L'Excursion dans les astres» — стр. 143—147)⁸, и «Мэтр всех мэтров» — вставная новелла из главы пятнадцатой, записанная автором со слов провансальского крестьянина Жана Руссьера, знатока народных сказок и преданий («La Légende de Saint-Eloi» — стр. 206 — 209). Оба перевода отличаются большой точностью, однако в отдельных случаях Бунин сжимает

диалоги и описания поступков персонажей, усиливая таким образом динамику действия (это относится главным образом ко второму рассказу).

Источником двух следующих «пересказов» («Тараскон» и «Юный пилигрим») послужила тринадцатая глава той же книги, посвященная истории возникновения и издания «Провансальского альманаха». Мистраль включил в нее несколько рассказов, печатавшихся в альманахе. Внимание Бунина привлекли два из них — «Le bon pèlerin. Légende provençale» и «Jaçaye au Paradis» (стр. 165—173). Если «Юный пилигрим» очень близок к оригиналу, то в «Тарасконе», напротив, допущено множество отступлений. Однако можно смело сказать, что Бунин отклонялся от мистралевого текста только в тех случаях, когда это предписывалось ему переводческим тактом. Например, изменение заглавия рассказа («Тараскон» вместо «Джарджайе в раю») было, вероятно, продиктовано тем, что слишком непривычно для русского слуха звучит провансальское имя героя. Но Бунин идет и дальше — иногда он сокращает текст, иногда, наоборот, расширяет его, порой вкладывает в уста персонажей реплики, которых нет у Мистралья, а сталкиваясь со специфическими оборотами народного языка, избегает буквального перевода и обращается к русским идиомам, обычно не совпадающим по смыслу, но очень точно передающим эмоциональную окраску речи. Все эти отступления отнюдь не искажают оригинал. Напротив, именно эта «свобода обращения» с текстом, приближающая его перевод к «пересказу», позволяет Бунину передать средствами русского языка стихию юмора другого народа, сохранить не букву, а самый дух подлинника.

То же можно сказать и о последних двух «пересказах» цикла — «Волхвы» и «Святочный вечер». Это перевод отрывков из третьей главы воспоминаний Мистралья (стр. 31—33, 36—39), повествующей о детстве автора, о жизни маленького провансальского городка. Заглавие этой главы («Les trois mages» — «Волхвы») Бунин использовал в названии первого из них. Перевод «Волхвов» имеет, помимо отдельных сокращений, два очень значительных отступления от оригинала: начало (три первые абзаца, включая цитаты из Евангелия — Матф., гл. II, ст. 1—2) целиком принадлежит Бунину, а весь последний абзац — в сущности не перевод, а пересказ соответствующей страницы книги Мистралья, что дало Бунину возможность поставить строки из рождественского гимна в заключение переведенного им отрывка. Благодаря такой заставке и концовке фрагмент из детских воспоминаний Мистралья приобрел законченную форму рассказа. И, наконец, «Святочный вечер» — это в полном смысле пересказ. Бунин не переводит, а именно пересказывает чудесные истории одного из мистралеvских персонажей. Однако, при всей своей свободе, этот бунинский пересказ, как и «Тараскон», великолепно передает и сюжет, и, главное, дух оригинала.

Можно считать, что само заглавие цикла, в равной мере определяет как особенности подлинника — рассказы Мистралья были именно «пересказами» народных легенд, — так и характер работы Бунина.

Бунин как переводчик еще совершенно не изучен. «Провансальские пересказы», помимо их художественного значения, представляют немалый интерес для изучения его переводческого мастерства, ибо для передачи народной провансальской прозы Бунин нашел «и слова, и тон, и лад».

¹ Письмо 30 января 1959 г. — «Новый мир», 1969, № 3, стр. 211.

² Там же.

³ «Материалы», стр. 223.

⁴ См. настоящ. том, кн. 2. — «Грасский дневник», запись 21 февраля 1931 г.

⁵ Анатолий Ф р а н с. Собр. соч. в восьми томах, т. 8. М., 1960, стр. 272.

⁶ К группе «фелибров» принадлежал также Б. Бонне, с творчеством которого Бунин был, вероятно, знаком еще в молодости: в 1901 г. в «Журнале для всех», где он в это время сотрудничал, был опубликован один из «Провансальских рассказов» Бонне — «Ивановские огни» (№ 6, стр. 691—700).

⁷ «Неизданная проза Мистралья». — «Руль», Берлин, 1926, № 1829, 7 декабря.

⁸ Мистралеvскую «Прогулку по звездам», в свое время напечатанную в «Провансальском альманахе», использовал А. Доде в «Письмах с моей мельницы» (рассказ «Звезды»). Однако у Доде народные поверья о небесных светилах облечены совсем в иную, чем у Мистралья, форму и носят характер эпизода в рассказе, имеющем самостоятельное значение.

ЗВЕЗДЫ

Небо было все в звездах, мяукала совка. Я гулял в поле, встретил у дороги старика-пастуха Жана, который стерег овечье стадо, и вот какой разговор произошел между нами:

Он

Как вы сюда попали, господин Фредерик?

Я

Вышел немного прогуляться, мэтр Жан.

Он

Прогуляться по звездам?

Я

Мэтр Жан, вы угадали. Я так утомлен Землею, что мне хотелось бы ее покинуть и затеряться в звездном царстве.

Он

Что до меня, господин Фредерик, то я совершаю подобное путешествие почти каждый вечер и могу вас уверить, что оно удивительно прекрасно.

Я

Да, но как это сделать, как попасть в эти светозарные бездны?

Он

Очень просто. Стоит только следовать за мною.

Я

Мэтр Жан, ловлю вас на слове.

Он

Тогда отправимся прежде всего вот этой дорогой, белеющей с севера к югу: это путь святого Иакова, прямой путь из Франции в Испанию. Когда император Карл Великий воевал сарацинов, святой начертал этот путь в небе, чтобы указать ему дорогу.

Я

Язычники называли это Млечным Путем.

Он

Возможно. Но я говорю только то, что сам слышал. Затем, видите вот эту чудесную колесницу, четыре колеса которой озаряют весь север? Это Колесница Душ. Три звезды, что перед нею, — три коня, запряженные в Колесницу. А та, что чуть видна возле третьей, — Возничий.

Я

В книгах это называется Большой Медведицей.

Он

Это как вам угодно. Но смотрите, смотрите: одна за другой падают звезды. Это бедные души, лишенные рая. Осеним себя крестным знаменем, господин Фредерик.

Я

Да не оставит их милость господня!

Он

Но дальше: вот Небесный Пастырь — вон то великолепное светило, что блещет недалеко от Колесницы.

Я

В астрономии называемое Арктуром.

Он

Допустим. Теперь смотрите на север, вон на ту звезду, что едва мерцает. Это Звезда Мореходов, или Трамонтана. Она никогда не заходит и путешествует в море. Моряки, теряющие ее из виду, считают, что они обречены на гибель.

Я

Эта звезда, называемая также и Полярной Звездой, находится в созвездии Малой Медведицы. И так как северные ветры дуют именно оттуда, то провансальские и итальянские моряки, когда им случается идти против ветра, говорят, что они идут «на Медведицу».

Он

А обернувшись, мы увидим, как мерцает Курятник.

Я

Ученые говорят: Плеяды. Гасконцы же — Собачья Тележка.

Он

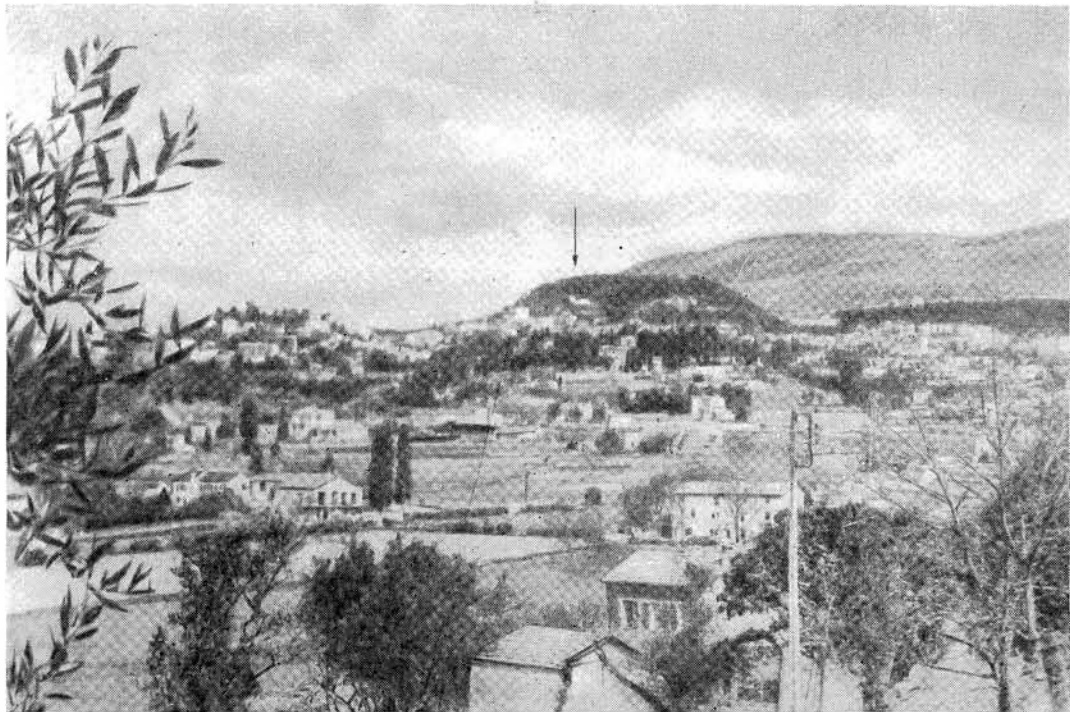
Совершенно верно. А вот, немного ниже, сверкают Знаки, прямое назначение которых указывать пастухам время. Одни называют их Тремя Королями, другие говорят: Три Шмеля, или Грабли.

Я

То есть Орион и Пояс Ориона.

Он

Превосходно. Еще ниже, к югу, блещет Жан из Милана.

ГРАСС

Фотография, 1968

Стрелка указывает местонахождение виллы «Жаннет», где Бунин жил в годы второй мировой войны
Собрание Т. Д. Муравьевой-Логиновой, Франция

Я

Сириус, если не ошибаюсь.

Он

Жан из Милана — светило из светил. Жан из Милана, Знаки и Курятник были, говорят, приглашены однажды на свадьбу. (На свадьбу красавицы Магелоны, о которой скажем после.) Курятник, как самый ранний, отправился первым и пошел верхней дорогой. Знаки, три быстроногие девы, пересекли ему путь снизу и совсем было его догнали. Тогда Жан из Милана, немножко проспавший, вскочил, взял им наперерез и, чтоб задержать их, запустил в них свой посох. От этого Три Короля, или Грабли, и называются с тех пор Посохом Жана из Милана.

Я

А вот та звезда, что выходит из-за гор на горизонте?

Он

Это — Хромой. Он тоже был приглашен на свадьбу. Только он, бедняга, едва ковыляет. Да и встает он поздно и ложится очень рано.

Я

А вон та, что уже заходит и сияет такой брачной красотой?

Он

А, это Пастушья Звезда, Утренняя Звезда, та, что нам светит и на восходе, когда мы только что выгоняем стадо, и по вечерам, когда мы его гоним обратно! Это королева-звезда, красавица Магелона, вечно преследуемая Пьером Провансальским, с которым она вступает в брачный союз каждое семилетие.

Я

По-моему, это пересечение путей Венеры и Юпитера, иногда Сатурна.

Он

Пересечение так пересечение. Но погодите минутку... Эй, Лабри, что ж ты зеваешь? Мы тут болтаем, а все овцы разбрелись куда попало. Что за негодная собака! Придется бежать самому сгонять их! Ну, господин Фредерик, до свидания, смотрите не заблудитесь!

Я

До свидания, мэтр Жан.

<1930>

МЭТР ВСЕХ МЭТРОВ

Однажды, сидя у себя в раю, господь бог-отец был чем-то весьма озабочен. Бог-сын Иисус сказал ему:

— Что с вами, отец?

— У меня, — ответил господь, — есть одна забота, которая не дает мне покоя. Вот взгляни-ка туда.

— Куда? — спросил Иисус.

— Вот прямо туда, куда я указываю. Видишь, вон в том селении, на самой окраине, кузницу? Большую и отличную кузницу?

— Да, вижу.

— Так вот, сын мой, есть там один человек, которого мне очень хотелось бы спасти, — мэтр Элуа. Это очень достойный человек, верный исполнитель всех моих заповедей и всякого житейского долга, милостивый к бедным, готовый на всякое добро и услугу, неутомимый и благочестивый работник. Он, по-моему, вполне достоин стать святым.

— А что ж ему в этом мешает? — спросил Иисус.

— Гордыня, чадо мое. Он отличный мастер, кузнец первого сорта и потому думает, что нет на свете никого выше его. А ведь высокомерие есть великий грех.

— Отче, — сказал Иисус, — если бы вы позволили мне сойти на землю, я бы попытался обратить его на правый путь.

— Иди, возлюбленное чадо мое.

И вот милосердный господь наш Иисус Христос сошел на землю. В одежде простого подмастерья, с котомкой за плечами, он направился

прямо к мэтру Элуа. По обыкновению, над дверью кузницы висела вывеска. Однако вывеска эта была не совсем обычна. На ней стояло: «Кузнец Элуа, мэтр всех мэтров, в два накала кующий подкову».

Божественный подмастерье снял шляпу и молвил:

— Добрый день и бог помощь, мэтр Элуа! Нет ли работы?

— Сейчас нет, — ответил мэтр Элуа.

— Тогда простите и до свиданья, зайду как-нибудь в другой раз.

И милосердный господь наш Иисус Христос продолжал свой путь по селению. На улице стояла и болтала кучка крестьян, и он, проходя, сказал им:

— Вот никогда бы не подумал, что в такой отличной и большой кузнице не найдется никакой работы!

— Постой, дружок, — сказал один из крестьян, — да ты как поздоровался с мэтром Элуа?

— Да обыкновенно как: мол, добрый день, мэтр.

— Ха! Совсем не так нужно было сказать: не мэтр, а мэтр всех мэтров. Взгляни-ка на его вывеску.

— В самом деле! — сказал Иисус. — Попытаюсь пойти еще разок.

И, сказав так, снова пошел в кузницу:

— Бог помощь, мэтр всех мэтров! Не нужно ли вам подручного?

— Входи, входи, — сказал мэтр Элуа, — я как раз думал о том, чтобы взять тебя. Только вот какое дело: запомни хорошенько, что, когда ты обращаешься ко мне, ты всегда должен называть меня «мэтр всех мэтров», и это вовсе не затем, чтобы угодить моему тщеславию, а в силу того, что таких мастеров, которые в два накала могли бы выковать подкову, нет, кроме меня, нигде на свете.

— О, — ответил подмастерье, — но у нас, в наших краях, куют подкову и с одного накала.

— Как с одного накала? Не болтай вздора, это невозможно.

— Невозможно? Посмотрим, мэтр всех мэтров!

И Христос хватает брусок железа, бросает его в горн, раздувает мех и, когда железо краснеет, а потом доходит до белого каленья, протягивает к нему руку.

— Стой, дурачок, — кричит мэтр Элуа, — обожжешься! Возьми клещи!

— Не беспокойтесь, у нас, слава богу, не нуждаются в этом, — отвечает Иисус, берет голый рукой раскаленное добела железо, швыряет его на наковальню, бьет молотом, перевортывает, плющит, закругляет, пробивает для гвоздей дырки — и все это так быстро и ловко, что через минуту подкова совсем готова.

Мэтр Элуа, однако, не смутился:

— О, говорит, — это ничего не стоит, стоит только захотеть хорошенько!

Затем берет брусок железа, бросает его в горн, раздувает мех и, когда железо краснеет, а затем белеет, хватает его тоже голыми руками и несет к наковальне. Тут он, однако, преобильно обжигает себе пальцы, спешит его бросить, кидается за клещами, но, пока их находит, оно уже остывает. А подмастерье вдруг молвит:

— Постойте, никак кто-то скачет!

И точно, к кузнице подлетает чудеснейший конь, а на нем всадник — сам святой Мартин:

— Еду, — говорит, — издалека, потерял целых две подковы и все никак не могу найти кузницы! Наконец-то!

На что мэтр Элуа, расправляя плечи, отвечает в таких выраженьях:

— Господин мой, вы попали как нельзя лучше. Перед вами кузнец, не только первый во всей округе, но и во всем французском королевстве,

который смело может сказать, что он мэтр всех мэтров и выковывает подковы всего в два накала. Дружок, поддержи-ка коню ногу!

— Держать ногу? — возразил подмастерье. — Но в наших краях находят это совсем бесполезным.

— Как? — воскликнул мэтр Элуа. — Подковывать, не касаясь копыта? Это очень мило, только как же это сделать?

— Бог мой, да нет ничего легче! Вот смотрите:

И Христос быстро берет топорик, подходит к коню и раз! в один миг отсекает ему копыто. Затем несет копыто к наковальне, зажимает его тисками, хорошенько обчищает, прилаживает к нему новую подкову, которую только что сделал, прибивает ее гвоздями, а, прибыв, несет копыто обратно и, перекрестясь, приставляет к конской ноге, где оно тотчас же крепко-накрепко и прирастает.

Мэтра Элуа даже в пот ударило при виде такого чуда.

— Ловко! — сказал он, покачивая головой, — таким манером, думается, подкую и я неплохо!

Вслед затем он подходит к коню — и раз! в один миг отхватывает у него копыто. Затем, точь в точь, как подмастерье, несет его к наковальне, зажимает тисками и начинает подковывать подковой, после чего остается только поставить его снова на место. Но вот в этом-то и вся суть дела! Мэтр Элуа подходит к коню, плюет на копыто, изо всех сил прижимает его к конской ноге... Увы, копыто не пристаёт, не прирастает, а из ноги ручьем кровь хлещет!

И тогда, смертельно пораженный в своей гордыне, спешит мэтр Элуа броситься к ногам своего подмастерья. Но, оглянувшись, видит, что он уже исчез, скрылся, так же как и конь, и всадник. И льются из глаз мэтра Элуа горячие слезы: бедный человек, он, наконец, понял, что есть мэтр выше его и выше всех на свете. Он смиренно снимает с себя фартук и навсегда покидает селенье — чтобы, странствуя по всему миру, идти и возвещать повсюду славу нашего господина Иисуса.

<1930>

ТАРАСКОН

Жил-был когда-то в Тарасконе некто Жозеф, носильщик, и, прожив ровно столько, сколько ему полагалось, в один прекрасный день умер. А как только умер, тотчас, конечно, полетел на тот свет, в вечность. Летит и летит — и конца не видит своего полета! Главное, совсем не понимает, куда именно летит он, и от неизвестности, от страха не попадает зуб на зуб: непроглядная тьма, безграничная пропасть! Наконец, слава богу, какой-то просвет в отдаленье. Еще минута — и Жозеф у самой двери рая.

Тут он немножко передохнул и стукнул:

— Отворите, будьте добры.

— Кто там? — ответил святой Петр из-за двери.

— Это я, господин апостол.

— Кто «я»?

— Жозеф, носильщик.

— Жозеф из Тараскона?

— Он самый, господин апостол.

Святой Петр пришел в ярость:

— Как! Жозеф из Тараскона? Да как же, негодяй, смеешь ты сюда ломиться! Ты, который целых двадцать лет не сотворил ни одной молитвы! Который, когда ему говорили: «Жозеф, иди к обедне!» — отвечал с наглым

смехом: «Прекрасно, дай только закусить и выпить!» Который хохотал над громом, называя его барабаном! Который по пятницам лопал мясо да еще ухмылялся: «Мы ведь и сами из плоти!» Который не крестился, как подобает доброму христианину, при церковном звоне и колокол сравнивал с подвешенным к балке поросенком!

Жозеф, однако, не растерялся:

— Что ж, говорит, отпираться бесполезно: грешен. По совести говоря, без вины я виновен: откуда же мне было знать, что и впрямь «тот свет» не шутка? Но за всем тем воля теперь ваша: казните, как хотите. Только позвольте, святой угодник божий, просить вас о маленьком одолжении: дайте мне хоть повидаться с дядей, рассказать ему, как поживают в Тарасконе.

— С каким таким дядей?

— С дядей Фредериком, господин апостол.

— С Фредериком? Но ему назначено быть в чистилище не больше не меньше как целое столетие!

— Мама дорогая! Целое столетие! Да за что же это?

— Но ведь ты знаешь, что он носил распятие во время церковных процессий, и что однажды кто-то из толпы над ним посмеялся: «Смотрите-ка, как Фредерик согнулся! Что это он, бедняга, тащит?» И Фредерик взбесился: «Что! Что! Тащу чурбан, вроде тебя, дуралея!» — да тут же и протянул ноги, помер от удара.

— Ну, тогда, — сказал Жозеф смиренно, — позвольте мне повидаться с тетей Доротеей. Уж она-то была не чета дяде, — набожна, прямо, как ангел.

— Ха! Тетя твоя, любезный, в аду, в преисподней.

Жозеф усмехнулся:

— Не удивляюсь, господин апостол: зла была истинно, как гадюка. Представьте себе, например, такую историю...

— Жозеф, оставь меня в покое, я по горло занят!

— Столько дела, святой угодник божий? Ну, раз так, умолкаю. Но все-таки позвольте мне хоть глазком взглянуть на эту самую райскую обитель, которую у нас на земле расписывают в таких радужных красках.

— Да, как бы не так! Держи карман шире!

— Святой Петр, прошу вас! Ну, хоть ради моего покойного отца, который, как вам известно, был всегда самый страстный ваш поклонник!

— Ради твоего отца? Ну, это, пожалуй, другое дело. Ради него даже и тебя, бездельника, можно уважить. Однако помни — можешь просунуть в дверь только кончик носа.

— Этого мне вполне достаточно, господин апостол.

И вот райская дверь чуть-чуть приоткрылась, но, как только она приоткрылась, Жозеф поспешно повернулся к ней боком и в одно мгновение был уже за нею.

— Это что же это такое? — закричал апостол.

— А как же мне было не повернуться? — закричал и тарасконец. — Меня положительно ослепило это обилие света! Однако не беспокойтесь, я уговор помню, дальше не сделаю ни шагу. Но как у вас тут действительно чудесно! Какая музыка! Как все красиво!

— Повторяю тебе, — сказал Петр строго, — у меня нет времени на болтовню с тобой. Полюбовался — и с богом!

— Но вы, пожалуйста, не стесняйтесь, господин апостол, — ответил Жозеф галантно. — Если у вас есть какое-нибудь неотложное дело, пожалуйста, идите, я ничуть не обижусь. Не беспокойтесь и насчет моего ухода — иду в свое время. Меня, кстати сказать, решительно ничто не торопит.

— Но ведь мы сговорились, что ты только заглянешь!

— Бог мой! Да чего вам, святой отец, так волноваться? Я бы вас еще понял, если бы здесь было тесно; но, слава богу, места на всех хватит!

— А я тебе говорю — уходи, потому что, если господь бог зайдет случайно...

— Ну, уж с господом богом это ваше дело. А я уходить не желаю.

Святой Петр вздернул плечами, топнул ногой и пошел за святым Ивом.

— Святой Ив, ты адвокат — посоветуй. Я, знаешь, ужасно попался. Вышло вот то-то и то-то... Что ж мне теперь делать?

— Ты должен, — ответил святой Ив, — поступить очень просто: взять кого-нибудь поделней из стряпчих и через пристава притянуть вышеназванного Жозефа на суд к самому господа богу.

Кинулись искать по раю стряпчих; но, увы, стряпчих в раю еще никогда не бывало. О приставах же и говорить не стоит. И святой Петр совсем растерялся. Видит — идет Лука угодник. Он к нему:

— Дорогой мой! Вот какая штука: некий Жозеф из Тараскона хитростью проскользнул в дверь рая, и я совершенно не знаю, как его выставить отсюда!

— Ты говоришь — из Тараскона?

— Из Тараскона.

— Ах, бог мой, — сказал Лука угодник. — Если он из Тараскона, то выставить его нет ничего легче. Я, как тебе известно, часто бываю в Камарге, в Арле, в Ниме и отлично знаю тарасконцев. Вот ты сейчас увидишь, что надо делать...

В эту минуту как раз пролетала над ними стайка ангелочков.

— Детки! — крикнул Лука угодник. — Пост! Погодите!

Ангелочки остановились.

— Детки, летите скорее за стены рая и кричите во весь голос: «Быки! Быки! Быков гонят!»

Ангелочки снова вспорхнули, и тотчас за стенами рая послышались их звонкие крики: «Быков гонят! Быков гонят!»

Жозеф, как сумасшедший, кинулся к двери.

— Черт меня побери! Быков гонят! — заорал он и вихрем вылетел из рая.

А святой Петр поскорее хлоп дверью, а сам к глазку, к окошку:

— Ну как, Жозеф? Кто кого одурачил? Простись теперь с раем!

— Наплевать мне на ваш рай! — крикнул Жозеф, махнув рукою. — Если бы тут и впрямь оказались быки, я бы и не вздохнул о вашем рае!

И, сказав так, кинулся вниз головой, прямо в адскую бездну.

<1931>

ЮНЫЙ ПИЛИГРИМ

Старому воину было почти сто лет. Когда-то он был неутомим и в походах и в битвах, теперь, сокрушенный годами, дни и ночи лежал неподвижно в постели.

Было у него три сына. И вот однажды утром позвал он к себе старшего из них и сказал ему:

— Слушай, сын мой. Вспомнилось мне, что дал я когда-то, в разгаре одной жестокой сечи, обет сходить в Рим на богомолье. Но ты видишь — стар я стал, как земля. Исполни же за меня это святое дело, дабы я мог умереть спокойно.

Сын выслушал и молвил:

— И что только лезет вам в голову, родитель, — эти паломничества в Рим или я не знаю еще куда! Право, у нас и без вашего Рима достаточно дел. Лежите-ка лучше, как лежали, ешьте, пейте, спите, выдумывайте, что вам угодно, но оставьте нас в покое.

На утро старец позвал к тебе среднего сына:

— Сынок, послушай-ка меня. Вспомнилось мне, что когда-то, во время одной страшной битвы, дал я обещанье сходить в Рим на богомолье. Да сам видишь, стар я теперь, как земля, — куда ж мне идти! Я хотел бы, чтобы ты исполнил за меня это обещанье.

Тот послушал и ответил:

— Отец, через две недели жатва. Надо косить, возить, молотить, потом позаботиться о виноградниках. Старший сын поведет стадо в горы, младший еще совсем ребенок — кто же справится со всеми этими делами, если я отправлюсь шататься по Римам? Ешьте себе, пейте, спите, а нас уж оставьте в покое.

На третье утро призвал старец младшего сына, своего любимца:

— Эспери, дитя мое, поди ко мне. Я дал когда-то обещание сходить в Рим на богомолье. Но я стар, как земля, — куда уж идти мне? Сходи ты вместо меня!

— Хорошо, схожу, родитель, — ответил Эспери просто.

Мать, услышав эти речи, закричала:

— Не слушай, Эспери, этого старого пустомелю! Он совсем из ума выжил. Мало ему, что нам и так нет покоя от его жалоб да стонов, он еще вздумал посылать ребенка на погибель!

Но Эспери ответил:

— Мать, я должен повиноваться. Воля отца — воля божья.

И, выйдя, налил небольшой мех вином из бочки, положил в дорожную суму несколько луковиц и хлеба, взял дубовый костылик, накинул плащ на плечи, обнял отца, простился со всем домом и пустился в дорогу.

Проходя мимо церкви, он вспомнил, что надо сперва зайти в церковь, отстоять обедню и, войдя на паперть, встретил юного и прекрасного незнакомца, который обратился к нему с вопросом:

— Друг мой, вы идете в Рим на богомолье?

— Да, — ответил Эспери учтиво.

— И я, друг мой, иду туда же. Не хотите ли отправиться вместе?

— Охотно, прекрасный друг мой, — ответил Эспери, не подозревая, что этот незнакомец — ангел, посланный богом, дабы охранять его в пути до Рима.

И вот пошли они по старой романской дороге, и так вдвоем то под дождем, то под солнцем, распевая псалмы и прося у добрых людей пропитанья, дошли до самого Рима. Там, отдохнув, они поклонились храму святого Петра, потом обошли все прочие базилики и часовни и наконец отправились на поклонение к папе, который и дал им свое благословение. Перед тем же, как идти обратно, прилегли они отдохнуть в тени портала одной церкви, и Эспери, утомленный, заснул, забылся. И приснилось ему, что он с отцом в раю, в вечной славе и блаженстве, и видит оттуда, как его мать и братья горят в вечном огне, в преисподней.

— Господи боже! — взмолился он, видя их муки. — Что повелишь мне сделать, дабы спасти их?

Господь ответил:

— Братьев твоих спасти невозможно, они не пожелали исполнить моей воли. Мать же твоя спастись еще может, если успеет сделать до своей смерти три добрых дела.

И Эспери проснулся и увидел, что его прекрасного спутника и друга уже нет с ним рядом. Он долго искал его по всему Риму и, не найдя, один

отправился в обратную дорогу. Шел то берегом моря, то долинами и горами, тропинками и большими путями, пел псалмы, молился, собирал милостыню на пропитанье и дошел наконец до родного края.

Он странствовал целых два года. и, когда худой, покрытый пылью, босиком и в лохмотьях шел по своей деревне, не узнал его никто из соседей. Дойдя же до дверей отчего дома, он тихо постучался и молвил:

— Подайте, Христа ради, бедному пилигриму!

Мать, услышав его, закричала:

— Ах, как надоели эти бродяги! И откуда только такая тьма бездельников, лентяев!

Но отец сказал из глубины своей спальни:

— Полно, жена, грех говорить так-то! Подай ему хоть в память нашего странствующего сына. Ведь, может, и он сейчас просит вот так же у чьей-нибудь двери!

И мать, ворча, достала хлеб с полки и отрезала на изрядное подаянье.

На другой день пилигрим опять пришел к дому и опять стал просить с том же:

— Подайте, Христа ради, добрая хозяйка!

— Как, ты опять явился! — ответила мать криком. — Я же тебе подала вчера, обжора!

— Слушай, жена, — сказал отец из глубины спальни. — Ты ведь тоже вчера ела, а нынче опять хочешь. Вспомни нашего сына — кто знает, где теперь он и что с ним? Подай ему хоть малость!

И опять мать смягчилась и опять сотворила подаянье.

А на третий день стал просить Эспери свою мать уже о ночлеге:

— Добрая хозяйка, окажите приют на ночь!

И мать разгневалась еще пуще:

— Ды ты, бродяга, рехнулся! Прочь с порога, не выводи меня из терпенья!

— Жена, прошу тебя,пусти его! — сказал отец, вздыхая. — Ведь кто знает, где теперь наше бедное чадо! Может, тоже просит где-нибудь ночлега.

И тогда мать распахнула дверь в хлев, в закут и втолкнула туда сына, который и лег со всем смиреньем на солому среди скотины.

А на утро она вместе с двумя другими своими сыновьями пошла убирать скотину — и увидала: хлев весь залит светом; странник, мертвый, неподвижный, бледный, озаренный четырьмя горящими свечами, лежит на блестящей золотом соломе; паутина на балках сияет подобно алтарному убранству; очарованные быки и мулы стоят с полными слез глазами; воздух благоухает ароматом фиалок; лик почившего полон торжества и блаженства, в руках же почивший держит бумажку, записку:

— Я Эспери, сын ваш.

И тогда все пали перед ним на колени, крестясь и плача: Эспери стал святым.

⟨1931⟩

ВОЛХВЫ

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском, во дни царя Ирода пришли в Иерусалим Волхвы с Востока и говорят: где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели звезду его на Востоке и пришли поклониться ему...»

Старый провансальский поэт рассказывает, как они, детьми, встречали Волхвов на зимней, пустынной Арльской дороге.

Он рассказывает приблизительно так:

БУНИН

Фотография, 1930-е годы
Парижский архив Бунина

— Дети, — говорили нам матери в канун праздника Волхвов, — если вы хотите видеть их шествие к младенцу Иисусу, идите скорей им навстречу: уже вечерет. И несите им какие-нибудь дары...

И вот мы бежим, бежим по большой дороге на Арль.

— Дети, куда это вы так спешите?

— Навстречу Волхвам!

Мы бежим в наших провансальских колпачках, в маленьких деревянных сабо, с бьющимся от радости сердцем, жадно глядя в даль, в нашем воображении уже полную дивных видений, прижимая к груди наши дары: лепешки (для самих Волхвов), сушеные фиги (для их слуг и рабов), пучки сена (для их верблюдов)... Свищет ветер, холодно. Зимнее солнце склоняется к Роне. Ручьи подернуты ледяной коркой, трава по их берегам померзла. Краснеют безлиственные ветки ив, по ним зябко прыгают красношейки... И ни души кругом — разве какая-нибудь бедная вдова с вязанкой сухого хвороста на голове или старик в лохмотьях, который шарит под колючим кустом: не попадетсЯ ли улитка?

— Куда это вы, дети, так поздно?

— Навстречу Волхвам!

И опять вперед, еще резвей и веселей, вприпрыжку, бегом — по бесконечно белеющей дороге, выметенной зимним ветром... Крик, песенки, смех, головки назад — совсем молодые петушки...

А день уже на исходе. Колоколенка Майана давно скрылась за черными острями кипарисов, кругом только голая, пустая равнина... Мы зорко рыщем по ней глазами: ничего, кроме игольчатых клубков перекаטיפоля, что мчит, крутит ветер по жнивью!

Впрочем, порой встречался какой-нибудь запоздалый пастух, который, завернувшись в свой истрепанный плащ, гнал домой свою отару.

— Дети, куда это вы в такую пору?

— Навстречу Волхвам... Не можете ли сказать, они еще далеко?

— Навстречу Волхвам? Ах да, правда, правда, нынче ведь канун их праздника... Они уже близко, вы их вот-вот встретите...

И опять вперед!

Но вот и совсем вечер. Солнце, преследуемое зимними облаками, спускается все ниже и ниже. Мы смолкаем, нам уже немножко жутко. Ветер еще резче дует навстречу, мы бежим уже не так резво... И вдруг:

— Вот они!

Из груди у нас всегда вырывался в этот миг безумно-радостный крик — и дивное, царственное великолепие ослепляло наши глаза: блеском, торжеством роскошнейших красок вдруг загорался запад. Там полосами пылал пурпур, золотом и рубином горел солнечный венец, раскидавший в зенит неба свои длинные зубы-лучи...

— Волхвы! Волхвы! Видите венец, корону? Вон мантии, знамена! Вон кони и верблюды!

И мы замирали в изумленье, в восторге. Но не проходило и минуты, как все это великолепие, вся эта слава и роскошь гасли, исчезали, и мы снова, в большом разочаровании, оказывались одни, в сумерках, в поле.

— Где же они, где?

— Прошли за горами!

Стонала совка. Нас охватывал страх. Мы со страхом спешили назад, домой...

— Ну, что же, видели Волхвов? — спрашивали нас дома.

— Нет... Они прошли далеко, за горами.

— А вы шли по какой дороге?

— По дороге в Арлатан.

— Ах, дурачки, дурачки! Там Волхвов никогда не встретишь, нужно было идти по старой Римской дороге... А если бы вы знали, что это за

красота, когда они входят в Майан! Трубы, барабаны, слуги, рабы, верблюды... Теперь они уже в церкви, в Вертепе, поклоняются младенцу Иисусу. После ужина бегите скорей в церковь...

И мы наспех ужинали, бежали в церковь. Церковь была уже полна, блистала огнями алтаря, звездой, сиявшей над ним, и ярко озаренным Вертепом, где Волхвы в своих разноцветных мантиях — красной, синей и желтой — уже поклонялись младенцу-Иисусу, полагали перед ним свои дары: Гаспар — золото, Мельхиор — ладан, Валтасар — смирну... И, как только мы входили, пробирались вперед между женских юбок, орган, сопровождаемый пением всех молящихся, медленно зачинал, а потом широко и грозно раскатывал свои мощные звуки величавый рождественский гимн:

Нынче, в утренний час,
Встретил я на большой дороге
Караван трех великих Волхвов...

1931 г.

СВЯТОЧНЫЙ ВЕЧЕР

— А в наше время много всяких удивительных вещей случалось! Вот хоть бы взять эту историю с Белой Курицей. Немало доверчивых душ заводила она чуть не на край света. Раз чуть было не завела мою родную тетку. Вышла она как-то из дому, пошла собирать по пригорку хворост и вдруг видит: идет ей навстречу, идет и поклевывает чудеснейшая насадка, вся, как снег, белая, с янтарными лапками, с красным гребешком, сытая и гладкая, — просто загляденье. На деревне такой ни у кого не было, значит, чья-нибудь чужая, приبلудная, — ну, понятно, тетка сейчас же к ней: «Цып, цып, цып!» Курица ничего себе, идет и клюет. Тетка нагнулась — та в сторону. Тетка за ней — она опять шмыг из-под ее руки и дальше. Тетка за ней, прибавляет шагу, опять ее настигает — нет, опять не тут-то было: скок из-под руки и трусцой вперед, — клюнет и опять засеменит, клюнет, клюнет — и этакой иноходью. А тетка все за ней, тоже уж рысцой: «Цып, цып, милая! Цып, чтоб тебя! Сядь, сядь, сядь!» А та будто и слушается — бежит, бежит и, глядя, присела. Но только присядет, только тетка, уж задыхаясь, вся в поту, чуть не со слезами, надбежит на нее — курица кудах-тах-тах! — подпрыгнет, взобьется и дальше, да все ловчей, все резвей, а тетка за ней, уж что есть мочи, падая, спотыкаясь, вне себя от обиды, стыда и злости. Ах, проклятое отродье, только бы настигнуть — задушила бы, не давши пикнуть! Да вот, попробуй-ка, настигни! Опять обе бегут, опять скачут и уж обе кричат: тетка — «Стой, такая-сякая! Стой!» А та: «А-а, кудах-тах-тах! О-о, кудах-тах-тах!» А уж не рано, а там уж и вечер, горы синеют, сумерки на все пали, деревня бог знает где сзади осталась, пошел кустарник, камни, скалы... «Дева-Мария! — кричит наконец <моя> тетка, — спаси и помилуй!» И, конечно, как только назвала святое имя, нет тебе никакой насадки, только камни, кустарник, да дикая темь ночи...

— А то мы, бывало, часто говорили об этой страшной Черной Свинье, на которую нарывались порой наши ребята, выходя из кабака ночью, насквернословив там и налившись по горло: только они за порог, а свинья — хрюк! и всей своей тушей им в ноги, а они через нее вниз головой... Чья свинья, откуда? Во всей округе ни одной такой свињи. Да и пропадала она всегда после такой штуки в одно мгновение ока: вскочут ребята, глянут — свињи как и не бывало. Жгут спички, бегают, ищут — как провалилась!

— А то могу рассказать вам еще о Черной Кобыле. Эта история, пожалуй, еще страшней будет. Эту лошадь видели только раз, в Драгиньяне. Вышла однажды — вот так же, из кабачка, ночью — банда пьяных молокососов и видит — идет мимо превосходная черная матка.

— Вот так лошадь! — кричит один, какой попьанее. — Я такой никогда и не видел. Вот, небось, резвая лошадь! Стой, братцы, я сяду, прокачусь немного!

Хватает кобылу за гриву, а она этак спокойно остановилась и поджидает: садись, мол, очень рада. Он подскочил, сел и уж хочет трогать. Но тут другой лезет:

— Погоди, и я сяду, хватит и на двух места.

И тоже поскорей садится. А за ним третий:

— И я, ребята! Есть еще одно место! Места хватит!

И точно: места сколько угодно — спина кобылы стала как будто еще длиннее. Видя это, лезет на нее и четвертый, за четвертым — пятый... И представьте себе, какое чудо: чем больше лезет на лошадь народу, тем она все длиннее и длиннее! Уже человек двенадцать взлезло, а все еще не тесно.

— Иисус, Мария! Святой Иосиф! — крикнул, наконец, кто-то. И, понятно, как только крикнул, от Черной Кобылы и следа не осталось. А ведь не крикни он так-то, что бы было? Ищи потом всю эту пьяную банду! Умчала бы их Черная Кобыла куда надо, а куда — нетрудно догадаться: в Верхние Альпы, в какие-нибудь такие дебри, где есть провалы прямо в адскую пропасть, к самому черту!

— А про Черных Кошек кто, господи, знает? Есть такие, которыми скидываются ведьмы и которые, однако, живут себе преспокойно по деревням, при людях. И не только живут — большое счастье приносят: в таких домах всегда удача в хозяйстве, в наживе — деньги туда так и льются. Многие в таких кошек не верят, говорят, что это просто самые обыкновенные кошки и что зажиточность дома ничуть от них не зависит. Ну, что ж, сколько голов, столько умов, только, конечно, разных. Я могу одно прибавить — рассказать вам про моего дядю. Шел дядя раз по деревне лунной ночью, а черная кошка ему через дорогу. Он схватил камень — раз в нее со всего размаху! А кошка вскочила на ограду да оттуда и говорит ему этак кокетливо и жеманно:

— Надо, мосье, быть немного половчее. А то вот вы пустили в меня камнем и чуть было не угодили в окно соседу...

— Затем — домовые. О них всякому известно, но, чтоб уж покончить со всеми этими чудесами, скажу и о них два слова: как вы думаете, почему домовые так любят именно конюшню? А потому, что они бубенчики очень любят. Зазвенит бубенчик на муле — и то-то домовому радость! Хохочет до упаду и притом совершенно детским, прелестнейшим смехом. Многие из старых людей этот смех слышали, — говорят, нельзя от улыбки удержаться: так это у него весело, мило, сердечно выходит!

1931 г.

«Последние новости». Париж, 1931, № 3577, 3749, 3929, 7 января, 28 июня и 25 декабря. Подпись: Ив. Бунин. Последние два «пересказа» имеют дату: «1931 г.».

Воспроизведено (без точной ссылки на источник): «Литературная Армения», 1987, № 5.